

Миронов Игорь Леонидович

*кандидат педагогических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД России*

Адрес: 198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1
E-mail: igmironov@mail.ru

Никео-Цареградский Символ веры: социокультурные предпосылки и историческое значение

В статье рассмотрены социокультурные предпосылки формирования догматических основ христианской церкви в Византии. В качестве религиозно-философских предпосылок определяется идейное противостояние Церкви гнозису и раннехристианским ересям. Политико-правовыми предпосылками утверждения главных основ христианского вероучения явилась деятельность римского императора Константина, который сделал христианство господствующей религией и перенёс столицу государства в Византию, организовав новое государственное устройство; издал Миланский эдикт, явившийся юридической основой свободного исповедования веры христианами. Поводом для созыва Никейского собора явилась ересь Ария – священника из Александрии, который противостоял учению церкви о Боге Сыне, отрицая его единую сущность с Богом Отцом. В результате осуждения ереси Ария на Первом вселенском соборе был сформулирован Никейский Символ веры. Второй вселенский собор, Константинопольский (381 года), был посвящен осуждению ереси Константинопольского епископа Македония, отвергавшего божество третьего Лица Святой Троицы – Святого Духа, которого он считал не Богом, а сотворенной силой, служебной Богу Отцу и Богу Сыну, подобно ангелам. Константинопольский вселенский собор дополнил Никейский Символ веры, присовокупив к нему последние пять членов, в которых понятие «единосушная» получило распространение и на Святого Духа. Автор подчеркивает значение догматических основ Церкви в идейной борьбе с различными современными религиозными лжеучениями, в том числе – религиозным экстремизмом.

Ключевые слова: Символ веры, гнозис, церковь, ересь, Вселенский собор, догмат.

История христианства первых трех веков связана с активным противодействием языческой культуры поздней античности. И противостояние это проявлялось как в политико-правовом контексте (преследование христиан со стороны властных структур), так и в идейном и религиозно-философском (*Тальберг, 1991. С. 24–33, 43–45*).

Андрей Кураев идейное противостояние христианства и язычества комментирует следующим образом: «Никак не понять смысл неуклюжего черепашьего панциря, если не знать о природных ее врагах. Если у черепаха толстый панцирь – значит, у кого-то слишком острые зубки. Если у христианства толстый панцирь догматов – значит, было от чьих зубов защищаться» (*Кураев, 1997. С. 3*).

Идейный враг христианства первых веков – гностицизм, который «с огромным энтузиазмом отнесся к перспективе поглотить веру апостольской Церкви и по меркам ветхого язычества перетолковать Новый Завет» (*Кураев, 1997. С. 3*). По мнению Е.В. Афонасина, «тенденция рассматривать гностицизм как явление более широкое, далеко выходящее за пределы христианства и иудаизма, вполне обоснованна. Некоторые во всех отношениях «гностицистические» тексты базируются исключительно на Ветхом Завете или являются собой прихотливый синкретизм» (*Афонасин, 1999. С. 3*).

Такой же точки зрения придерживается и Андрей Кураев, который считает, что «гностицизм вероятнее всего возник на несколько десятилетий раньше христианства» (*Кураев, 1997. С. 3*).

Перед зарождением христианства языческие культы под воздействием философского скептицизма стали угасать и религиозное чувство людей требовало удовлетворения. В связи с этим отдельные языческие и иудейские ученые под влиянием греческой философии увлеклись созданием некоего универсального религиозного учения на базе различных религий и философских систем – гнозиса (*Тальберг, 1991. С. 57*).

По-видимому, возвышенность христианской религии, ее явное преимущество перед грубостью и чувственностью язычества производили впечатление некоторого сходства с гнозисом. Комментируя Евангелие от Иоанна, Рудольф Курт считает, что оно содержит много общего с «гностицистическим мифом» (*Kurt, 1984. С. 305–306*).

Однако, по-видимому, данное мнение иллюзорно, и уместно согласиться с мнением Е.В. Афонасина о том, что гностицизм – это «самостоятельный тип мировоззрения, отличная от других мировая религия» (*Афонасин, 1999. С. 3*).

Культура гнозиса характеризуется в первую очередь неким аристократизмом, элитарностью: гнозис – религия избранных. Отличительной чертой гнозиса является, видимо, не только рационализм греческой философии. Рационализм имеет место и в христианском богословии относительно вопросов, не связанных с богооткровенными истинами.

Реалистическое познание наряду с интуицией, верой предполагает рациональный метод познания (*Миронов, 2017. С. 192–195*). Однако рационализм гнозиса посягает на «святое святых», на то, что явно не под силу человеческому разуму, на то, что может быть открыто только Богом и познано человеческой верой.

В связи с вышесказанным автор статьи под «гнозисом» в широком смысле слова понимает не только гностицистические культы поздней античности, но и все последующие лжеучения и ереси, явившиеся в человеческой истории, – религии не от Бога, а от человека, присвоившего себе божественное достоинство. Одной из крайних форм такого гносеологического заблуждения можно

считать российский атеизм – религию, которая на место Богочеловека поставила «человекобога», понимающего «доброе и лукавое» (Быт. 3, 5).

Некоторые из гностиков стали членами церкви, но при этом не отказались от своих убеждений. Таким образом, из смеси гнозиса и христианских вероучений образовывались еретические системы, получившие название гностических (*Тальберг, 1991. С. 57–62*).

Из еретиков «иудействующих» наибольшую опасность для христианского вероучения представляли евиониты, которые воспринимали Христа не как Бога-Искупителя, а лишь почитали Его за великого пророка, подобного Моисею.

По-видимому, гностическая свобода религиозно-философского творчества (*Kurt, 1984. С. 292*), фантазия, допустимость своевольного толкования богословских истин и связанное с этим обстоятельством зарождение многочисленных ересей поставили гностицизм в идейное противоречие с христианством.

Если ереси евионитов, гностиков и манихеев представляли собой эклектику христианства, иудаизма, греческой философии, зороастризма, то в III веке зарождается в среде самого христианства ересь антитринитариев.

Эта ересь также вписывается в методологию гностической (в широком смысле слова) парадигмы как претензия человеческого ума постигнуть богооткровенное учение, которое можно принять только верой.

Трансцендентные истоки христианского учения обуславливают необходимость принятия его догматических основ в первую очередь на веру, даже если эта истина противоречит рассудочному мышлению. Данный тезис можно прокомментировать словами Тертуллиана: «Верую, потому что абсурдно!»

И если в познании материального (тварного) мира могущество человеческого разума не безгранично (*Осипов, 1997. С. 155–158*), то что же можно говорить о познании истин трансцендентных?

В идейной борьбе с гностицизмом происходило формирование догматов христианской веры – кратко изложения истин вероучения. Уже на заре церковной истории были известны следующие символы веры: иерусалимский, римский, антиохийский, кесарийский, галльский, карфагенский, александрийский и другие. В III в. стала выявляться тенденция к их единообразию (*Тальберг, 1991. С. 50–51*).

Возникла необходимость определения единого общецерковного символа веры – суммы христианских догматов, ограждающих истинное вероучение от его различных еретических интерпретаций.

Однако условия гонения на церковь не позволяли обобщить и унифицировать догматическое вероучение, идентифицировать христианство, подчеркнуть его уникальный характер, показать принципиальное отличие от языческого мирозерцания. И такая возможность появилась в Византии, государстве, которое с начала своего развития само по себе явилось феноменом христианской культуры.

Новый статус христианской религии непосредственным образом связан с деятельностью римского императора Константина, который после одержания победы над Максенцием в 312 г. и над Лицинием в 324 г. стал единственным полновластным правителем римского государства, сделал христианство господствующей религией, перенёс столицу государства в Византий (Константинополь) и организовал новое государственное устройство (*Bunne, 1993. С. 223*).

Десять лет спустя после гонений Диоклетиана (в 313 году) Константин указом в Милане (Миланский эдикт) позволил христианам свободно исповедовать веру (*Bunner, 1993. С. 223*). «Он издал законы, которыми запрещалось приносить жертвы идолам и повелевалось созидать церкви; правителями народа поставил людей, украшенных верою, предписывая им почитать иереев и угрожая казнию тем, которые осмеливались бы оскорблять их», – комментирует это событие историк церкви блаженный Феодорит Кирский (*Феодорит Кирский, 1993. С. 24*).

Константин повелел возвратить и все отнятое у христиан и их церквей во время последнего гонения имущество (*Тальберг, 1991. С. 43*). Таким образом, в условиях политической защиты императора-христианина Константина церковь получила время и возможность внутреннего устройства и утверждения основ вероучения.

Однако утверждению догматических основ веры способствовали не только политико-правовые предпосылки, но и религиозно-философские – продолжающаяся борьба с ересью. Диалектика противостояния христианства и гнозиса (в широком смысле слова) привела к окончательному формированию догматов церкви.

Поводом для созыва Никейского собора явилась ересь Ария – священника из Александрии, который считал Сына Божьего – высшим творением, сыном не по существу, а по благодати (*Тальберг, 1991. С. 138*).

Блаженный Феодорит Кирский в своей «Церковной истории» приводит письмо Ария к Евсевию, епископу Никомедийскому, в котором Арий пишет: «Сын и не рожден, и ни в каком смысле не есть часть Нерожденного, и не произошел из чего-либо предсуществовавшего, но по воле и совету (Божию) был прежде времен и прежде веков совершенный Бог, едиnorodный, неизменяемый. Однако ж Его не было прежде, чем Он был рожден, или сотворен, или определен, или основан, ибо до рождения Он не существовал... Сын имеет начало, тогда как Бог безначален» (*Феодорит Кирский, 1993. С. 37*).

Ересь Ария фактически есть продолжение ереси антитринитариев и направлена против учения о Святой Троице, которое он пытался рассмотреть с позиции логики. Безуспешная попытка Константина Великого примирить спорящие стороны привела к созыву I Вселенского собора в Никее 20 мая 325 г.

Поддерживаемый некоторыми епископами Арий упорно защищал свое учение. Однако ревнители православия святители Афанасий Александрийский, Николай Мирликийский и Спиридон Тримифунтский опровергли доводы Ария и его сторонников. Общим голосом положено было отлучить еретиков от церкви. По итогам работы собора был сформулирован православный Символ веры, который представляет изложение учения о единой сущности Бога Сына и Бога Отца (*Тальберг, 1991. С. 139*).

Второй вселенский собор, Константинопольский (381 года), был посвящен осуждению ереси Константинопольского епископа Македония, отвергавшего божество третьего Лица Святой Троицы – Святого Духа, которого он считал не Богом, а сотворенною силой, служебной Богу Отцу и Богу Сыну, подобно ангелам. Собор осудил также и другие ереси, искажающие православное учение о Боге Сыне (Аэция, Евномия, Фотина, Аполлинария).

Константинопольский Вселенский собор дополнил Никейский Символ веры и присовокупил к нему последние пять членов, в которых понятие

«единосушая» было распространено и на Святого Духа – третье Лицо Святой Троицы.

Таким образом, в процессе первых двух Вселенских соборов был составлен и утвержден Никео-Цареградский Символ веры, который явился итогом борьбы раннего христианства с гнозисом.

Гнозис – соблазняющий шепот ветхозаветного змия в начале времен: вкусите запретный Богом плод (плод недоверия Богу – Его откровению), и сами будете «как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). Гнозис – и та мутная вода ереси, которую в конце времен «пустил змий из пасти своей вслед жены (молодой церкви. – Прим. автора), дабы увлечь ее рекою» (Откр. 12, 15). Твердая почва догматов помогла молодой церкви устоять против козней древнего змия: «и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей» (Откр. 12, 16).

Однако соблазн лжеименным знанием продолжается на протяжении всей истории и продлится до конца времен. Рассвирепевший на церковь Христову «дракон (...) пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12, 17).

Значение Никео-Цареградского Символа веры заключается не только в идентификации учения Восточной христианской церкви, придании ему качественного своеобразия, но в первую очередь в защите от различного рода ересей и идейной агрессии. Он является руководством Церкви в течение всей последующей истории.

Нельзя не учитывать, что и современная агрессия против христиан на Ближнем Востоке имеет не только физический, но и идейный характер, и эта «линия информационного фронта» проходит сегодня через все современное общество, в том числе и российское.

Вербовка в религиозно-экстремистские организации ничем не отличается от вовлечения в иные тоталитарные секты. Специалисты называют ее «методом контролирования сознания» (Дворкин, 2002. С. 79–81).

Суть данного метода, по-видимому, в радикальной модернизации сознания индивида и, как следствие, разрушении не только традиционной веры, но и архетипов – подсознательной структуры (по Юнгу), что часто приводит и к психическому расстройству – «культовой травме» (Singer, Ofshe, 1990. С. 191–193).

Объектом вербовки экстремистов в настоящее время часто становятся молодые люди с религиозным мировоззрением. Вербовщики умело применяют в своей деятельности знания теологии и искусно разрушают базовые установки, сформированные традиционными религиозными конфессиями в сознании молодых людей (Миронов, Никитина, 2017. С. 184).

В связи с вышесказанным профилактика вовлечения молодежи в религиозные экстремистские организации – задача прежде всего духовно-просветительная. На современном этапе развития нашего общества как никогда важно формирование у религиозно ориентированной молодежи знаний догматических основ веры.

Вышеизложенную позицию автора можно суммировать, предложив следующие выводы:

1 В качестве социокультурных предпосылок утверждения христианской веры на Никео-Цареградском Вселенском соборе можно выделить политико-правовые и религиозно-философские.

- 2 Политико-правовыми предпосылками утверждения главных основ христианского вероучения явилась деятельность римского императора Константина, который сделал христианство господствующей религией, а также юридически утвердил свободное ее исповедование и на этой идейной основе организовал новое государственное устройство.
- 3 К религиозно-философским предпосылкам можно отнести идейное противостояние церкви гнозису.
- 4 Значение Никео-Цареградского Символа веры заключается как в идентификации учения Восточной христианской церкви, так и в его защите от различного рода идейной агрессии в течение последующей истории.

Литература

- Афонасин Е.В.* Гностицизм второго века н.э.: античные свидетельства. Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 1999. 44 с.
- Виппер Р.Ю.* История древнего мира. М.: Республика, 1993. 511 с.
- Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. 815 с.
- Кураев А.* Сатанизм для интеллигенции. Том 1. Религия без Бога. М.: Отчий дом, 1997. 527 с.
- Миронов И.Л.* Реализм как методологическая основа нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 192–195.
- Миронов И.Л., Никитина С.С.* Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 182–184.
- Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины. М.: Даниловский благовестник, 1997. 336 с.
- Тальберг Н.* История христианской церкви. М.: Интербук, 1991. 490 с.
- Феодорит епископ Кирский.* Церковная история. М.: Росспэн. 239 с.
- Rudolph K.* Gnosis: The Nature & History of Gnosticism, San Francisco, 1984.
- Singer M.T., Ofshe R.* Thought reform programs and the Production of Psychiatric Casualties // Psychiatric Annals 20, 4 April 1990. С. 191–193.
- Fisher K.M.* Der johanneische Christus und der gnostische Erlöser // Tröger K.W. Gnosis und Neues Testament. С. 245–266.

Igor Mironov

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Address: bldg. 1, Pilot Pilutov St., 198206, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: igmironov@mail.ru

Nike-Tsaregrad symbol of faith: sociocultural background and historical significance

The article considers socio-cultural prerequisites for the formation of the dogmatic foundations of the Christian church in Byzantium. As religious and philosophical prerequisites, the ideological opposition of the Church to gnosis and early Christian heresies is determined. The political and legal prerequisites for establishing the main foundations of Christian doctrine were the activities of the Roman emperor Constantine, who made Christianity the dominant religion and transferred the capital of the state to Byzantium, organizing a new state system; issued the Edict of Milan, which was the legal basis for the free practice of faith by Christians. The reason for convening the Council of Nicea was the heresy of Arius, a priest from Alexandria, who opposed the teaching of the church about God the Son, denying his one essence with God the Father. As a result of the condemnation of Heresy Arius, the Nicene Creed was formulated at the First Ecumenical Council. The Second Ecumenical Council, Constantinople (381), was dedicated to the condemnation of the heresy of the Constantinople bishop of Macedonia, who rejected the deity of the third Person of the Holy Trinity – the Holy Spirit, whom he regarded not as God, but as a created power serving God the Father and God the Son like angels. The Ecumenical Council of Constantinople supplemented the Nicene Creed, adding to it the last five members, in which the notion of “consubstantiality” was extended to the Holy Spirit. The author emphasizes the importance of the dogmatic foundations of the church in ideological struggle with various modern religious false teachings, including religious extremism.

Keywords: Symbol of faith, gnosis, church, heresy, Ecumenical Council, dogma

References

- Afonasin E.V. *Gnostitsizm vtorogo veka n.e.: antichnye svidetel'stva* [Gnosticism of the second century AD: ancient testimonies]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 1999, 44 p. (In Russian).
- Dvorkin A.L. *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniia* [Sectology. Totalitarian sects. Experience in systematic research]. Nizhny Novgorod, Publishing House of the Brotherhood in the name of St. Prince Alexander Nevsky, 2002, 815 p. (In Russian).
- Feodorit episkop Kirskii. *Tserkovnaia istoriia* [Church history]. Moscow, Rosspen Publ., 239 p. (In Russian).
- Fisher K.M. *Der johanneische Christus und der gnostische Erlöser*. Tröger K.W. Gnosis und Neues Testament, pp. 245–266 (In German).
- Kuraev A. *Satanizm dlia intelligentsii* [Satanism for the Intelligentsia]. Vol. 1, *Religiia bez Boga* [Religion without God], Moscow, Otchii dom Publ., 1997, 527 p. (In Russian).
- Mironov I.L. Realizm kak metodologicheskaia osnova nravstvennogo vospitaniia sotrudnikov organov vnutrennikh del [Realism as a Methodological Basis of Moral Education of Internal Affairs Officers]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1 (73), pp. 192-195 (In Russian).
- Mironov I.L., Nikitina S.S. Mental'naia bezopasnost' Rossii: pedagogicheskie aspekty [Mental Security of Russia: Pedagogical Aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (75), pp. 182-184 (In Russian).
- Osipov A.I. *Put' razuma v poiskakh istiny* [The way of the mind in search of truth]. Moscow, Danilovskii blagovestnik Publ., 1997, 336 p. (In Russian).
- Rudolph K. *Gnosis: The Nature & History of Gnosticism*. San Francisco, 1984.
- Singer M.T., Ofshe R. Thought reform programs and the Production of Psychiatric Casualties. *Psychiatric Annals*, 1990, no. 20, 4 April, pp. 191–193.
- Tal'berg N. *Istoriia khristianskoi tserkvi* [History of the Christian Church]. Moscow, Interbuk Publ., 1991, 490 p. (In Russian).
- Vipper R.Iu. *Istoriia drevnego mira* [Ancient world history]. Moscow, Republic Publ., 1993, 511 p. (In Russian).